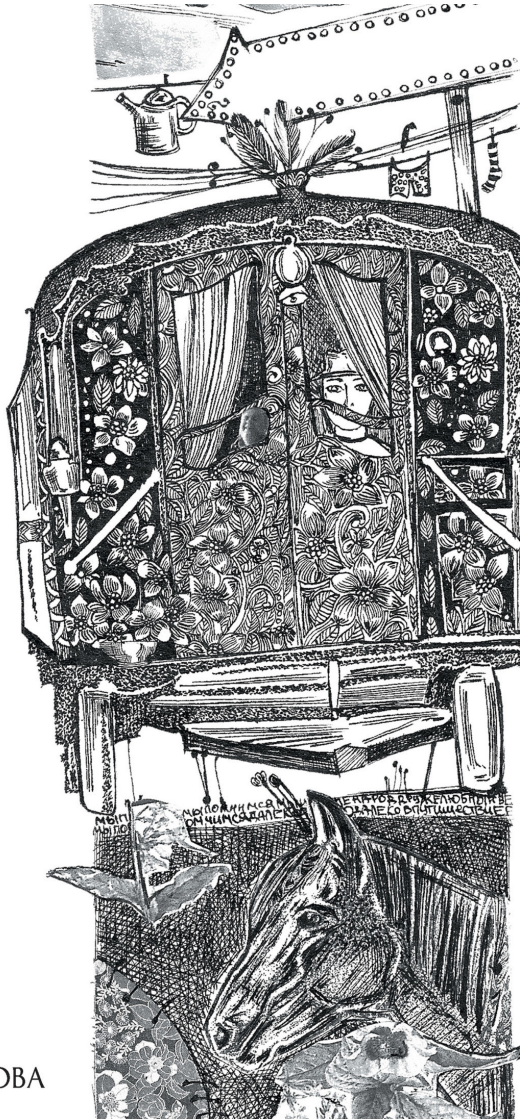

ОТ СКАЗКИ К СКАЗКЕ

Г.И. КАБАКОВА

Галина Ильинична Кабакова

От сказки к сказке

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56954931

От сказки к сказке / Г.И. Кабакова: Редкая птица; Москва; 2019

ISBN 978-5-6042829-1-5

Аннотация

Повествуя о возникновении и изменении как отдельных природных реалий и культурных объектов, так и мира и человека в целом, этиологические сказки и легенды отражают фольклорно-мифологическую картину мира. Практически на любой вопрос «почему?» народная традиция предлагает свой ответ.

Опираясь на двадцатилетний опыт сбора, перевода и издания антологий этиологической прозы разных традиций (русской, украинской, французской, итальянской, цыганской), автор анализирует феномен этиологического текста, который долгое время оставался вне поле зрения собирателей и публикаторов в силу его сложного жанрового состава, тематической структуры, а также взаимодействия с апокрифической традицией и литературными первоисточниками. Особое внимание уделяется взаимопроникновению этиологического корпуса и «народной Библии». Отдельные главы посвящены наиболее популярным в Европе этиологическим сюжетам, их происхождению, вариантам и географии: «Пересмотр продолжительности человеческой

жизни и жизни животных», «Змея-жених», «Разные дети Евы», «Распределение судеб и даров». В других главах разбираются такие важные предметы этиологического дискурса, как луна, чужестранец, женщина, тело.

Вторая часть целиком посвящена русской и в целом восточнославянской традиции. В ней рассматривается специфика русского этиологического корпуса и в частности этиология Бабы-яги, самого характерного персонажа русской сказки, которая связывает устную традицию с лубком. Последние главы посвящены судьбе сказки в советской России, ее приспособления к задачам пропаганды, идеологической борьбы и воспитания молодого поколения.

Книга адресована фольклористам и широкому кругу читателей, интересующихся фольклором и традиционной народной культурой.

Содержание

Предисловие	6
«И вот с тех пор»: европейские этиологические сказки и легенды	9
Из истории открытия	10
Место этиологических сюжетов в указателях сюжетов и мотивов	15
Тематика этиологических текстов	18
Типология этиологий	22
Морфология этиологического текста	26
Субъекты	28
Источники этиологического корпуса	37
«Лишние люди»: европейские сказки о происхождении народов	42
Условия творения и природа демиурга	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Галина Кабакова

От сказки к сказке

*Издание не подлежит маркировке
в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 1 ФЗ № 439-ФЗ*

Eur'orbem, CNRS – Sorbonne Universit

Издание осуществлено при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках реализации государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры и туризма»

Рецензент:

доктор филологических наук

О.В.Белова

От сказки к сказке / Г.И. Кабакова. – Москва «Редкая птица» 2019

© Кабакова Г.И., 2019

© Иллюстрация на переплете Ожог А., 2019

© Издательство «Редкая птица», 2019

Предисловие

Впервые я столкнулась со сказками, отвечающими на вопросы «почему?» и «с каких пор?», четверть века назад, когда ездила в Западное Полесье собирать материал для диссертации, ставшей потом и книгой, об антропологии женского тела. Меня озадачили первые услышанные сказки «Почему у женщины нет свободного времени?» [Кабакова 2001: 221–222] и «Почему цыгану позволено воровать?», поскольку мне был не совсем ясен их жанр. К тому же до этого мне не приходилось читать их опубликованные версии. Потом я вспомнила, что собственно с этиологического сюжета и началось мое участие в полесских экспедициях под руководством академика Никиты Ильича Толстого. Все мы старались записать «Мужа-ужа», который кончался появлением на свет кукушки и еще какой-нибудь птицы. Когда я заинтересовалась этими сказками и легендами о происхождении всего на свете, выяснилось, что они образуют целый пласт фольклорной прозы, который практически не попадал в поле зрения исследователей. Эти этиологические тексты рассказывают в разных регистрах – от серьезно-мифологического до анекдотического и даже похабного – о возникновении и изменении мира и человека в целом, отдельных предметов и явлений. Практически на любой вопрос «почему?» фольклорная традиция предлагает свой ответ.

Составив корпусы восточнославянских и цыганских этиологий, я обратилась к западноевропейским традициям, французской и итальянской. Интересно, что первые консультации с моими западными коллегами должны были охладить мой пыл: они уверяли меня, что подобного рода объяснительные сказки, часто с участием сакральных героев, даже если и существовали некогда, должны были исчезнуть под влиянием единого дискурса католической церкви. Выяснилось, однако, что и в католических странах этиологических сказаний было собрано ничуть не меньше, а многие сюжеты были распространены по всей Европе. Так я стала собирать, переводить и издавать антологии этиологической прозы. Естественным образом меня заинтересовал сам феномен этиологического текста, который может относиться к самым разным жанрам: волшебной и религиозной сказке, сказке о животных, легенде, анекдоту, балладе. Я стала изучать его взаимоотношения с апокрифической традицией «народной Библии» и литературными первоисточниками. Меня привлекли наиболее популярные этиологические сюжеты у восточных славян и прибалтов («Змея-жених») или в целом в Европе («Пересмотр продолжительности человеческой жизни и жизни животных», «Разные дети Евы», «Распределение судеб и даров», «Разные сказки со звукоподражанием пению птиц»). В других главах я рассматриваю луну, чужестранца, тело, гендерное неравенство в свете этиологий. А развитие некоторых мотивов, как, например, речь растений, жи-

вотных и разных предметов, я прослеживаю и за пределами этиологического корпуса.

Вторая часть книги целиком посвящена русской и в целом восточнославянской традиции. Мне было важно определить особенности русского этиологического корпуса, выделить в нем сюжеты и темы специфические и имеющие параллели в других традициях, архаические и актуальные. Отдельный очерк посвящен этиологии Бабы-яги, самого характерного персонажа русской сказки, которая связывает устную традицию с лубком.

В конце книги я обращаюсь к судьбе сказки в советской России, попыткам перенести ее в кино и приспособить к задачам пропаганды, идеологической борьбы и воспитания молодого поколения.

«И вот с тех пор»: европейские этиологические сказки и легенды

Этиологические сказки – в разных традициях их называют также сказками «объяснительными» (фр. *conte explicatif*, нем. *Erklärungssage*), «как и почему» (фр. *conte des pourquoi et comment*, англ. *a pourquoi / how and why story, pourquoi tale*) или сказками о происхождении (фр. *conte des origines*, англ. *origine tale*) – повествуют о сотворении мира, человека, природных объектов и культурных реалий.

Из истории открытия

Долгое время этиологии оставались на периферии фольклористики, поскольку не воспринимались как цельный корпус и попадали в поле зрения собирателей лишь от случая к случаю. Показателен в этом смысле состав сборника «Детские и семейные сказки» братьев Гримм (1812–1815), в котором этиологические сюжеты составляют лишь 9 % от общего объема. А ведь именно он служил образцом для многих поколений собирателей фольклорной прозы по всей Европе. Лишь в середине XIX века эти часто довольно короткие тексты начинают записывать в германском ареале швед Улоф Хюльтен-Кавалиус (Olof Hylten-Cavallius), исландец Йон Арнасон (Jon Arnason), немцы Карл Русвурм (Karl Friedrich Wilhelm RuKwurm) и Конрад Хайнрих фон Маурер (Konrad Heinrich von Maurer) [Balzamo 2016: 3749]. Значительные этиологические корпусы возникают лишь в рамках сплошного этнографического обследования отдельных регионов, как в публикациях Джузеппе Питре по Сицилии (Giuseppe Pitre), Поля Себийо по Бретани (Paul Sébillot) или уже в XX веке Жуана Амадеса по Каталонии (Juan Amades). (О положении в России см. главу «Русский этиологический корпус».)

Oskar Dahnhardt. Naturgeschichtliche Volksmärchen aus nah und fern. Leipzig, 1898

Всплеск публикаторского и исследовательского интереса к этимологии связан с именем Оскара Денхардта (Oskar

Dahnhardt, 1870–1915), школьного учителя, который собрал для юных читателей первую антологию этиологических сказок «Сказки о природе отсюда и издалека» (*Naturgeschichtliche Volksmarchen aus nah und fern*) [Dahnhardt 1898]. В ней было представлено 120 историй, в основном германских, о происхождении зверей и разных природных явлений. Неожиданно для него самого тема происхождения захватила его, и он собрал огромный корпус сказок и мифов народов мира, который и составил четырехтомное исследование «Сказания о природе. Собрание сказаний, сказок, басен и легенд, объясняющих природу» (*Natursagen: eine Sammlung naturdeutender Sagen, Marchen, Fabeln und Legender*) [Dahnhardt 1907–1912]. Денхардт сгруппировал их по сюжетам, следуя канве библейского повествования. Однако этот фундаментальный труд по сравнительной мифологии не имел продолжения, если не считать напечатанных Альфонсом де Коком, видимо, под влиянием Денхардта фламандских и иных «Объяснительных сказок о природе» (*Natuurverklarende sprookjes*) в двух частях [Cock 1911 1912]. И лишь спустя семьдесят лет после смерти Денхардта под Ипром появился первый национальный сборник: Норбертас Велюс (1938–1996) опубликовал литовские этиологические сказания [Velius 1986, англ. пер. Velius 1998].

Знаком возрождения интереса к анализу европейских этиологий стала диссертация Марлен Альбер-Лорка, защищенная в 1989 году и опубликованная под заголовком «По-

рядок вещей: Европейские рассказы о происхождении животных и растений» [Albert-Llorca 1991]. Затем были защищены и диссертации, посвященные отдельным национальным и региональным традициям: в Болгарии – по болгарской, на Украине – по карпатской [Георгиева 1990; Качмар 2010].

Новым этапом в освоении этого малоизученного жанра стала недавно вышедшая коллективная монография по материалам состоявшейся в 2012 году в Сорбонне конференции, посвященной этиологическим текстам в европейском пространстве [Contes et légendes 2013]. В ней приняли участие основные европейские специалисты, которые представили разные подходы к сбору, публикации, анализу и каталогизации этиологий, как, например, в рамках полного каталога каталонских сказок «RondCat. Cercador de la rondalla catalana», доступного онлайн (www.sre.urv.cat/rondcat).

Исследование М. Альбер-Лорка и ее критическое издание этиологий Амадеса [Amades 1988; 1994], а также и записанные мною в ходе этнолингвистических экспедиций в Полесье сказки пробудили во мне интерес к этим текстам. В 1998 году в парижском издательстве «Flies France» я запустила серию «У истоков мира», целиком посвященную этиологиям народов мира. За двадцать лет вышло 50 томов, из которых тринадцать представляют европейские традиции [Kabakova 1998; 2005; 2006; 2009; 2010; Van den Berg 2000; Balzamo, Kaiser 2004; Ortenzio 2008; Balzamo 2011; Valriu

2015; Correia 2018; Simonsen 2019]. На основе этих антологий были опубликованы сборники этиологических текстов в Швеции [Balzamo 2006] и Германии [Balzamo, Kaiser 2005]. В результате многочисленных публикаций этиологический жанр перестал быть достоянием сугубо университетской науки. Его изучение вошло в школьную программу начальной и средней школы во Франции: детей учат не только разбирать, но и писать этиологические сказки наподобие «Просто сказок» Редьярда Киплинга (1902).

Параллельно с возрождением интереса к текстам, объясняющим устройство мира, происходит и открытие «народной Библии» (в разных странах ее называют «крестьянской Библией» или «Библией бедняков»), которое начинается в романских странах (Каталония, Италия) [Castello Guasch 1974; Larucci 1985], а затем охватывает Восточную Европу, в том числе практически все славянские традиции [Nagy, Lammel 1985; Георгиева 1993; Сенько 1993; Кузнецова 1998; Zowczak 2000; Зшчук 2000; Лафазановски 2000; НБ; Badalanova 2008; Вражиновски 2006; БНБ; Simonides 2010; Воронин 2010; Smitek 2010; Бадаланова Геллер 2017]. Благодаря изданию «национальных изводов» «фольклорной Библии» в Словении, Болгарии, Венгрии, Македонии, Польше, России, Белоруссии и на Украине исследователям стал доступен обширный материал, в том числе и современный, освещающий народно-христианскую концепцию миротворения.

Место этиологических сюжетов в указателях сюжетов и мотивов

Причина позднего открытия этиологических текстов лежит, как представляется, в их жанровой пестроте. По жанровым признакам они относятся к самым разным категориям: мифу, легенде и сказке в самых разных их видах, анекдоту, басне, балладе, колядке, свадебной песне. Полиморфность этиологических текстов выражается и в том, что они могут одновременно использовать каноны многих жанров. Так, например, записанный в Заонежье рассказ о первородном грехе, повествующий о начале сексуальных отношений, является в содержательном плане «заветной сказкой», по форме – анекдотом, а функционирует как местное топонимическое предание, поскольку история падения Адама и Евы якобы разворачивалась на болоте около деревни Шала [УИМ, № 381].

Поскольку жанровая специфика этих произведений до сих пор не описана, национальные указатели фольклорных сюжетов выделяют их в отдельную категорию в исключительных случаях, как, например, во фламандском указателе [Meuer 1921], причем при переиздании 1968 года раздел «этиология» был упразднен, польском [Krzyzanowski 1962] и норвежском [Hodne 1984]. И только четыре национальных указателя целиком посвящены этиологиям: финский [Aarne

1912], нидерландский [Sinninghe 1943], литовский [Кербелите 2001] и румынский [Brill 2005].

Международный указатель Аарне-Томпсона-Утера (ATU) не выделяет этиологические сказки в отдельный разряд, а в зависимости от типа сюжета и главного героя относит их то к сказкам о животных, то к сказкам об одуроченном черте, то к волшебным, то к легендарным. Причем в кратком резюме редко упоминается этиологическая развязка. Из специфически этиологических сюжетов, то есть таких, которые обязательно имеют такую развязку, отмечу следующие:

ATU 55 «Звери строят дорогу (копают колодец)»

ATU 173 «Пересмотр продолжительности человеческой жизни и жизни животных»

ATU 200 «Собачьи права»

ATU 200В «Почему собаки обнюхивают друг друга»

ATU 221 «Выборы царя птиц»

ATU 234 «Соловей и медянка»

ATU 235 «Сойка одалживает у кукушки оперение, но не возвращает его»

ATU 294 «Месяцы и времена года»

ATU 425М «Змея-жених»

ATU 565 «Чудесная мельница»

ATU 751Е* «Человек на луне»

ATU 758 «Разные дети Евы»

ATU 772* «Муха вместо гвоздя на груди у Христа»

ATU 773 «Соперничество Бога и дьявола»

АТУ 779G* «Преступление против хлеба»

АТУ 798 «Женщина создана из обезьяньего хвоста»

АТУ 822 «Христос устраивает браки»

АТУ 934Н (4) «Происхождение смерти»

АТУ 967 «Человек, спасенный паутиной»

АТУ 980 «Неблагодарный сын»

АТУ 981 «Мудрость спрятанного старика спасает королевство»

АТУ 1169 «Обмен голов»

Наряду с этим многие сюжеты получают этиологическую развязку только в некоторых ареалах или вариантах, как, например, АТУ 555 «Рыбак и его жена» и АТУ 825 «Черт в Новом ковчеге». Кроме того, целый ряд типично этиологических сюжетов, как-то: «Распределение судеб и даров», «Почему у женщины нет свободного времени», «Почему дети не ходят с рождения», не отражены в международном указателе. Поэтому подготовленный нами с О. Беловой, А. Гурой и С. Толстой энциклопедический словарь «Восточнославянские этиологические сказки и легенды» и призван восполнить эту существенную лакуну [ВЭСЛ].

Тематика этиологических текстов

В идеале полный корпус таких текстов, объясняющих, как возник мир, откуда и как произошли населяющие его существа, каковы их отличительные свойства, должен был бы описать все мироздание как цельную и непротиворечивую систему, осветить истоки всех явлений природы и культуры. Однако на практике это не совсем так. Во всех этиологических корпусах, за редким исключением, подавляющее большинство текстов посвящено природе, недаром Денхардт озаглавил свою монументальную публикацию «Сказания о природе». В этой категории львиная доля текстов приходится на животных и птиц, причем, как показала Альбер-Лорка, наибольшим вниманием пользуются звери и птицы с высоким символическим статусом, а не те, которые в реальности широко представлены в данной стране.

По ее подсчетам, в среднем в каждой национальной традиции «комментируется» около тридцати видов, причем две трети из них птицы: кукушка, ласточка, ворона, ворон, аист и т. п. Среди животных преобладают домашние, как если бы этиологические рассказы преследовали исключительно практическую цель: аргументировать с помощью ссылок на Священную историю отношение человека к окружающим его животным (собака, кошка, корова, овца, лошадь). Среди популярных персонажей фигурируют также медведь, волк,

заяц, летучая мышь. Некоторые категории живой природы полностью отсутствуют, как, например, бабочки, другие же возникают неравномерно. Так, рыбы и другие морские обитатели широко представлены в каталонском репертуаре и реже в других. Впрочем, записанные сюжеты часто отражают интерес собирателя, и отсутствие их в публикациях не означает их реальное отсутствие в фольклоре.

Художник Марта Фарина. Histoires merveilleuses des

Растения и их части занимают более скромное место. Некоторые, например осина и колос, становятся предметом этиологического комментария по всему континенту. Однако, как заметил Юрий Березкин, легенды о растениях обычно имеют относительно узкий по сравнению с сюжетами о животных ареал распространения [2017а: 33].

Кроме животных и растений объектами этиологического дискурса становятся небесные тела (солнце, луна и звезды) и в меньшей степени метеорология, например погода, гром и молния. Человек также дает повод для этиологических рассказов, причем комментируется как его физиология, так и его социальное бытие. Такими общеевропейскими сюжетами становятся слабость младенцев, подчиненное положение женщины, почему человек живет дольше животных (см. главу «“Век человеческий”, или Славянские сказочные параллели Эзоповой басни «Конь, бык, собака и человек»). Широко известны сюжеты о создании народов (см. главу «“Лишние люди”: европейские сказки о происхождении народов»), более узкий ареал распространения имеют сюжеты о возникновении профессий.

В европейском контексте выделяется цыганский этиологический корпус. В отличие от других главными темами в нем оказываются проблемы идентичности: почему у цыган нет родины, церкви, письменности, а также как произо-

шли разные племена (см. главу «Распределение судеб и даров в европейских сказках»). Этиологии нечасто затрагивают культурную сферу, и легенды о происхождении артефактов и о правилах поведения встречаются редко и имеют локальное распространение.

Типология этиологий

Важной проблемой представляется онтологический статус этиологий. Оскар Денхардт выделял два типа этиологических повествований: «собственно интерпретирующий природу (этиологический)» и отвечающий на вопрос «почему?» и «произвольно интерпретирующий природу (произвольно этиологический)» [Dahnhardt 1907/1: X]. Немецкий исследователь Лутц Рёрих в книге «Сказка и действительность» [Rohrich 1956: 33–36] выделил три категории этиологических текстов: поучительные, развлекательные и «декоративные».

К первой он отнес тексты, в истинность которых верит и рассказчик, и его аудитория. К ней относятся тексты космогонического содержания. В восточнославянском варианте сотворение мира описывается тремя основными сюжетами: совместное творение суши Богом и Сатаной из земли, принесенной птицей со дна морского; борьба двух демиургов и низвержение Сатаны; сотворение человека.

Вторая категория состоит из текстов развлекательных, не содержащих мифологической истины и не воспринимающихся как сакральные. Речь идет о «простой игре ума» (blosser Spielform). Сам факт повествования должен прежде всего доставить удовольствие и рассказчику, и слушателю. К этому типу относится подавляющее большинство

сказок о животных и растениях, в которых этиологическая развязка выступает как логическое развитие сюжета.

Безусловно, при разграничении этих двух категорий возникает ряд методологических проблем. Что придает этиологии статус верования? Как представляется, одним из признаков принадлежности к текстам первой категории служит нравоучение, содержащееся в сказке или легенде. Именно мораль, имеющая общечеловеческое значение, обеспечивает успех таких этиологий, как «Почему человек не знает часа своей смерти», «Почему стариков перестали убивать» или «Преступление против хлеба». Впрочем, и этот показатель может эволюционировать, и те тексты, что изначально воспринимались как предмет веры, впоследствии могут перейти в категорию развлекательных (например, АТУ 798 «Женщина создана из обезьяньего хвоста»). Поскольку при записи этих текстов собиратели практически не интересовались отношением рассказчика к повествованию, то остается лишь строить догадки по поводу статуса той или иной этиологии. Однако критерий веры и правдивости, возможно, и не столь существенен. Можно согласиться с М. Альбер-Лорка, что важен сам факт упоминания происхождения, который выделяет животное, растение, явление из ряда тех, что лишены «генеалогии» [Albert-Llorca 2013: 16].

Наконец, в последней категории текстов этиологическое завершение не является обязательной частью сюжета, и связь его с повествованием оказывается достаточно произволь-

ной и формальной. Заключительная фраза, начинающаяся с «Вот почему...» или «И с тех пор.» выступает не столько конструктивным принципом, сколько декоративным украшением. Хорошим примером такого типа историй могут служить волшебные сказки, которые, за редким исключением (АТи 425 М «Змея-жених», АТУ 565 «Чудесная мельница», отчасти АТУ 555 «Рыбак и его жена»), не располагают к этиологическому концу, то есть к нерасторжимой связи между фикцией содержания и реальностью времени рассказа.

В этом отношении показательны сюжеты, где этиологическая концовка фигурирует в одних вариантах и отсутствует в других. Например, только один немецкий вариант общеизвестной сказки АТУ 2025 «Убегающий блин», то есть «Колобок», заканчивается бегством блина от свиньи и выводом: с тех пор все свиньи роются в земле [Balzamo, Kaiser 2004, № 67].

Такие концовки могут отражать и индивидуальные вкусы сказочника и собирателя, что ставит вопрос об авторстве фольклорного произведения и репрезентативности фольклорных материалов. Альбер-Лорка упоминает одного из каталонских информантов, рыбака, от которого были записаны 14 из 55 сказаний о море, опубликованных Жуаном Амадеом. Все они посвящены редким рыбам, в них фигурировали персонажи, нетипичные для этиологий: сирены, великаны, и им свойствен нравоучительный пафос, все это наводит на мысль, что легенды эти были сымпровизированы рыбаком в

ответ на запрос собирателя [Albert-Llorca 2013: 18]. Точно так же в России целый ряд этиологических сюжетов был записан от Анны Корольковой, причем некоторые из них были явно литературного происхождения и в русской традиции фиксировались только в ее исполнении [УИМ, № 150, 169, 266, 442].

Морфология этиологического текста

Опираясь на понятия «морфология сказки» В.Я. Проппа и «грамматика обряда» Н.И. Толстого, можно представить элементарные структуры этиологического текста следующим образом:

Субъект (демиург) творит объект 1

Пример: Бог творит сушу.

или

Субъект превращает объект 1 (исходный) в объект 2 (конечный)

Пример: Христос в наказание превращает пугавшего его человека в медведя.

Данные структуры предполагают варианты, например:

Субъект совершает некоторое действие, в результате чего объект 1 превращается в объект 2

Пример: Сын не хотел угостить родителей курицей, она превратилась в черепаху.

Субъект (демиург, не демиург) = объект 1 превращается, дает начало объекту 2

Пример: из слюны дьявола, раздосадованного тем, что он не может соблазнить Христа, вырастает картофель.

В «ослабленных» вариантах возникают не новые объекты, а изменяются уже существующие. Они приобретают новые

свойства (цвет, запах, съедобность) или новую оценку (почитание, осуждение).

Субъекты

В виде субъектов в большинстве текстов всех европейских традиций выступают сакральные персонажи: Бог, Иисус Христос и Богородица. Наряду с ними регулярно возникает и Сатана. Для восточноевропейских традиций Ольга Белова различает два типа взаимоотношений между демиургами: «Присутствие двух равновеликих творцов, обустроивающих мир» и «соперничество творцов, в результате которого перевес сил оказывается на стороне “доброты начала”» [Белова 2013: 207], причем второй вариант соответствует сюжету АТУ 773 «Соперничество Бога и дьявола». Если дуализм творения подробно исследован в восточноевропейской фольклорной традиции [Кузнецова 1998], он менее изучен в западноевропейском фольклоре, который в Новое время не сохранил развернутые сказания о творении. Однако представления о том, что многое из того, что окружает человека, создал Бог или его противник, отмечаются повсеместно.

Художник Жусеп Торрес. *Contes et légendes d'Espagne*. Paris: Flies France, 2015

Такого рода «дисперсный» дуализм бретонский фольклорист Э. Ле Кальве в конце XIX века представил в виде таблицы.

Бог создал:	Дьявол создал:
мужчину	женщину или обезьяну
лошадь	осла
корову	козу

быка	козла
барана	волка
собаку	волка или лису
зайца	кролика или хорька
орла	неясыть
курицу	ворона
голубя	сороку
голубку	сойку
зяблика и / или соловья	воробья
ласточку	летучую мышь
черного дрозда	певчего дрозда
лебедя	гуся
жаворонка	ястреба
пчелу	осу и муху
бабочку	жука
кита	акулу
треску	кошачью акулу
скумбрию	ставриду
морского угря	голубую щуку
морской язык и камбалу	электрический скат
угря	ужа
морского петуха	морского черта
омара	краба
лангусту	краба-паука
морское ушко	морское блюдечко
устрицу	мидию
рыбу	ядовитых рыб
яблоню и грушу	шипы
дуб	падуб
каштан	конский каштан
виноград	ежевику
орех	желудь
дрок	колючий дрок
розу	шиповник
капусту	чертополох
морковь	собачью петрушку
пшеницу	осоку или плевелы
овес	овсюг
клевер	повилику

землю	воду, чтобы затопить землю
солнце	луну
дождь	град
ветер	бурю
день	ночь
жизнь	смерть
золото	медь
серебро	свинец
железо	железную руду

[Цит. по: Kabakova 1998, № 172].

Иисус Христос в этиологическом корпусе действует как демиург, завершающий творение мира и устанавливающий новый порядок. С появлением Христа и распространением его учения связывают исчезновение нечистой силы; земля и все ее обитатели приобретают свой окончательный облик. Таким образом, жизнь Христа представляет собой границу между мифическим и историческим временем. Создание новых видов происходит в период «Когда Христос/Бог ходил по земле», то есть когда образы Христа и Бога оказываются неразделенными. Как правило, творение в этом контексте является негативной реакцией на недостойное поведение встреченного индивида: непослушание, отказ в гостеприимстве, нарушение запрета, агрессивный поступок (например, дразнить, пугать), испытание на проницательность. Эпоха, «когда Христос/Бог ходил по земле», также насыщена изменениями уже созданных объектов и институций. В наказание за «Преступление против хлеба» Христос сокращает хлебный колос, а за испытанный страх он уменьшает в раз-

мерах рябчика. Христос занимается организацией семейных отношений: составляет семейные пары из противоположностей (АТУ 822 «Христос устраивает браки»), кладет конец главенству женщин в семействе (АТУ 791 «Христос и св. Петр на ночлеге»), лишает их свободного времени («Почему у женщины нет свободного времени»). С Христом связывают также кодификацию бытового поведения и возникновение ритуалов, приуроченных к годовому циклу: наряжать рождественскую елку, бить вербой в вербное воскресенье, раскладывать костры на Пасху, колоть свиней в Чистый четверг, не пряхь и не резать скот в пятницу, день распятия.

Художник Сюзанн Страссманн. Contes et légendes de Russie.

Paris: Flies France, 2005

В отличие от Бога и Христа Божья Матерь, как правило, преобразует статус и характеристики уже существующих творений. Она благословляет животных и растения, оказав-

ших ей помощь (например, береза, лещина, сосна, шалфей, угорь), и прокликает тех, кто отказал ей (кукушка, осина, крапива). Оказационально демиургом может выступать Адам, Ной и царь Соломон. Набор святых может варьироваться. Св. Петр как главный трикстер и, в меньшей степени, св. Павел и архангел Михаил действуют в большинстве традиций, тогда как другие имеют более локальное распространение: у восточных славян это св. Николай, Зосима и Савватий, Косьма и Дамиан. В Западной Европе субъектами творения выступают св. Иосиф (повсем.), Антоний (романские страны), Мартин (исп., фр., порт.), Иоанн (исп., фр., ит., ирл.) и св. Анна (флам., ит.), св. Франциск из Паоло, Иов (ит.), св. Марк, Гонсалес (порт.), св. Геноле, Клеман, Северин, Мелен, Юбер (фр.), св. Брендан, Патрик и св. Бригитта (ирл.), св. Параскева Пятница (рум.).

Святые могут выступать в разных функциях: демиурга, не всегда удачливого, и помощника. В указателе предусмотрен даже несколько неопределенно обозначенный сюжет АТУ 774 «Христос и св. Петр». Св. Петр, например, подает мысль Богу сделать женщину главой семьи, что кончается побоями святого (см. главу «У истоков гендерного неравенства: по материалам восточнославянского фольклора»), раздает мозги, щедро наделяя ими мужчин и остатками их женщин (исп.) [Valriu 2015, № 31]. Он выплевывает украденный хлеб, и тот становится грибами (АТУ 774L «Грибы из слюны св. Петра»).

В отдельных традициях творцами могут стать исторические персонажи, приобретшие мифологический статус. Например, у испанцев почитаемый король Иаков Арагонский оставил след на небе: поднятая копытами его лошадей пыль стала Млечным Путем. Согласившись принять в подарок орла, он дал начало королевским орлам [Valriu 2015, № 9, 94].

Субъектами выступают и обычные люди, и люди со сверхъестественными способностями (ведьмы, колдуны), и даже животные. Они выступают в разных функциях: демиурга, помощника, вредителя, но и сами, за исключением Бога, Христа и Богоматери, могут стать объектами творения/превращения.

Объекты относятся к следующим тематическим группам: животные, растения, люди, представители народов и профессий, небесные тела, метеорологические явления, рельеф, мифологические существа, болезни, артефакты, месяцы, обычаи, этикет.

«Морфология» этиологического текста включает и характерные предикаты, которые провоцируют появление нового вида или его метаморфозу. Основными предикатами выступают проклятие и благословение (ср. АТУ 779 «Бог награждает и наказывает»). Но ими могут быть и другие действия, например прятать, бросать.

Существенную роль в элементарной структуре играют обстоятельства времени и места, своего рода хронотопы, которые структурируют всю «народную Библию». В роли од-

ного из таких хронотопов выступает сюжет АТУ 750Е «Бегство в Египет». Он охватывает различные легенды, которые приурочены к моменту бегства Святого семейства в Египет (Мф. 2: 13–23). Наряду с бегством в качестве обстоятельства времени и места выступают и другие эпизоды Ветхого или Нового Завета: потоп, рождение Христа, распятие и неопределенное, но часто упоминаемое время, «когда Христос/Бог ходил по свету». Все эти ситуации служат поводом для испытания людей, птиц и растений, которые проявляют свою эмпатию или, наоборот, жестокость по отношению к сакральным персонажам. Как исторические персонажи в роли субъектов, так и исторические события в виде хронотопа характерны для отдельных традиций. На Украине таким «обстоятельством времени» оказываются татарские набеги: в результате на свет появляются кувшинки, маргаритки (*материнські сльози*), барвинок, ломонос, крапивник, чайка [ЛтП: 74–76, 84–86; Гнатюк 1902, № 191].

Источники этиологического корпуса

Исследования по сравнительной мифологии позволяют уточнить происхождение разных этиологических сюжетов. Так, к самому древнему слою европейских мифологических сюжетов, сохранившихся в этиологическом корпусе Нового времени, относится балканская сказка о несостоявшейся свадьбе солнца [Гура 1997: 258; Ortenzio 2008, № 4], которая, по мнению Ю. Березкина, может восходить к эпохе изначальной миграции населения с Африканского континента [Березкин 2011].

Миф о птице, ныряющей за землей для создания суши, принадлежит к древнейшему мифологическому фонду планеты, который Березкин датирует верхним палеолитом, он известен чрезвычайно широко (у народов Сибири, Южной Азии, Северной Америки), но в балтославянский ареал попадает только с богомилством. Сюжет о двух птицах постепенно упрощается, и в более новых версиях фигурирует всего одна птица-ныряльщик, хотя на Русском Севере и в Сибири еще в 1920-е годы записывались версии с двумя птицами-демиургами [Кузнецова 1998: 57; УИМ, № 5]. С продвижением на юг, на Балканы образ птицы постепенно уступает место теоморфному демиургу [Напольских 2011]. К древнему фонду относится и другой важный для восточных славян, балтийских и балканских народов мифологический мотив –

тело, созданное творцом, осквернено его противником (Березкин, Дувакин Н42. «Творец отлучается»). По мнению М. Ваиды, этот мотив восходит к центральноазиатскому мифу о происхождении смерти, предшествовавшему иранскому дуалистическому влиянию [Waida 1982: 693–697].

Также и другие дохристианские мифологические сюжеты были постепенно освоены народной религией. Так, Бенгт аф Клинтберг, анализируя легенду, распространенную на севере Евразии, о рябчике, некогда самой большой птице, наказанной за то, что напугала Христа, приходит к выводу, что она пришла из охотничьей дохристианской мифологии [Klintberg 2013: 118].

К древнему слою относится и антропогенез из разных элементов созданного космоса (см. главу «Тело в восточнославянских этиологиях»). Он широко представлен в европейской средневековой письменности начиная с XII века [Turdeanu 1981: 403–435]. В древних мифологических текстах фиксируются и другие мотивы, актуальные для фольклора Нового времени. Так, например, мотив персонажа водоноши в сюжете ATU 751E* «Человек на луне», который широко известен в Северной Евразии [Березкин 2017: 151–161], возникает в главе 11 «О солнце и месяце» «Младшей Эдды»: луна забрала к себе двух детей, Биля и Хьюки, когда они шли от источника с ведром на коромысле.

Художник Батист Эрсок. Contes et légendes de Laponie.
Paris: Flies France, 2019

Распространение многих сюжетов связано с системой культурных и экономических контактов. Например, объяснение Млечного Пути как рассыпанной соломы совпадает с ареалом влияния аббасидского халифата, а затем Оттоманской порты: Балканы, Карпаты, Причерноморье, юг Италии. Локально этот сюжет и соответствующий термин *соломенная*

дорога записывались у русских и белорусов. Ареалу «османского» мотива противостоит ареал католического и протестантского вора, укравшего солому, хворост и т. п. [Березкин 2017: 196–200, карты 43, 44].

Значительное число этиологических сюжетов восходит к апокрифам и народным версиям Библии. Среди наиболее характерных примеров – происхождение свиньи из спрятанной под корытом еврейки, который объясняет запрет на свинину у евреев. Сюжет восходит к восточным версиям «Евангелия детства». Евреи требуют, чтобы Христос угадал, кто спрятан. Он отвечает: свинья с поросятами, и в самом деле вместо женщины под корытом обнаруживается свинья с потомством. Ареал этого сюжета охватывает всю Европу, от Франции до Украины, изредка он записывался и в России, в том числе в Сибири [НБ: 172–175; УИМ, № 175–176].

Другим источником этиологий является собственно литературная традиция, начиная с античных басен. Некоторые из них уже содержали этиологическую развязку, как, например, басни «Пчела и Зевс» Бабрия (почему пчела умирает, укусив человека), «Конь, бык, собака и человек» Эзопа и Бабрия (см. главы «“Век человеческий”, или Славянские сказочные параллели Эзоповой басни “Конь, бык, собака и человек”» и «Насекомые в этиологических сказках восточных славян»). Другие приобрели ее в фольклоре нового времени: «Зайцы и лягушки» Эзопа (АТУ 70 «Трусливее зайца», происхождение заячьей губы), «Посольство собак у Юпитера» Фед-

ра (АТУ 200В «Почему собаки обнюхивают друг друга»). Литература постоянно взаимодействует с устной традицией: с одной стороны, она может фиксировать устные рассказы и, в свою очередь, порождать новые фольклорные варианты. Для этиологических сюжетов таким востребованным источником в русской традиции оказался Киплинг и его «Просто сказки» [Королькова 2001: 175–179], но также и стихотворение С. Маршака «Отчего у месяца нет платья» [УИМ, № 98].

«Лишние люди»: европейские сказки о происхождении народов

Происхождение чужака занимает скромное место в этиологическом корпусе, например, по сравнению с текстами, посвященными природе. При этом разные традиции в разной степени проявляют интерес к теме инородца. Подобные тексты часто записывались на Украине или в Венгрии, где исторически соседствовали несколько народов, тогда как в России их очень немного. В то же время следует быть осторожным в рассуждениях о специфике той или иной традиции, поскольку, как уже упоминалось, собранный фольклорный материал зависит от личных вкусов и интересов собирателей.

Чаще всего сказки повествуют об инородцах, проживающих на одной территории с рассказчиком, жителях соседних стран или провинций. Этот раздел «народной Библии» предлагает свою интерпретацию чужака, особенностей его характера, внешнего вида, языка, образа жизни, обычаев. И если цель этиологического корпуса в целом состоит в том, чтобы найти в мифическом прошлом обоснование нынешнего положения вещей, истоки специфики разных народов описываются с помощью следующих мотивов: личность творца и условия создания; несчастный случай после создания; вред,

причиненный сакральному персонажу или собственной семье; испытание.

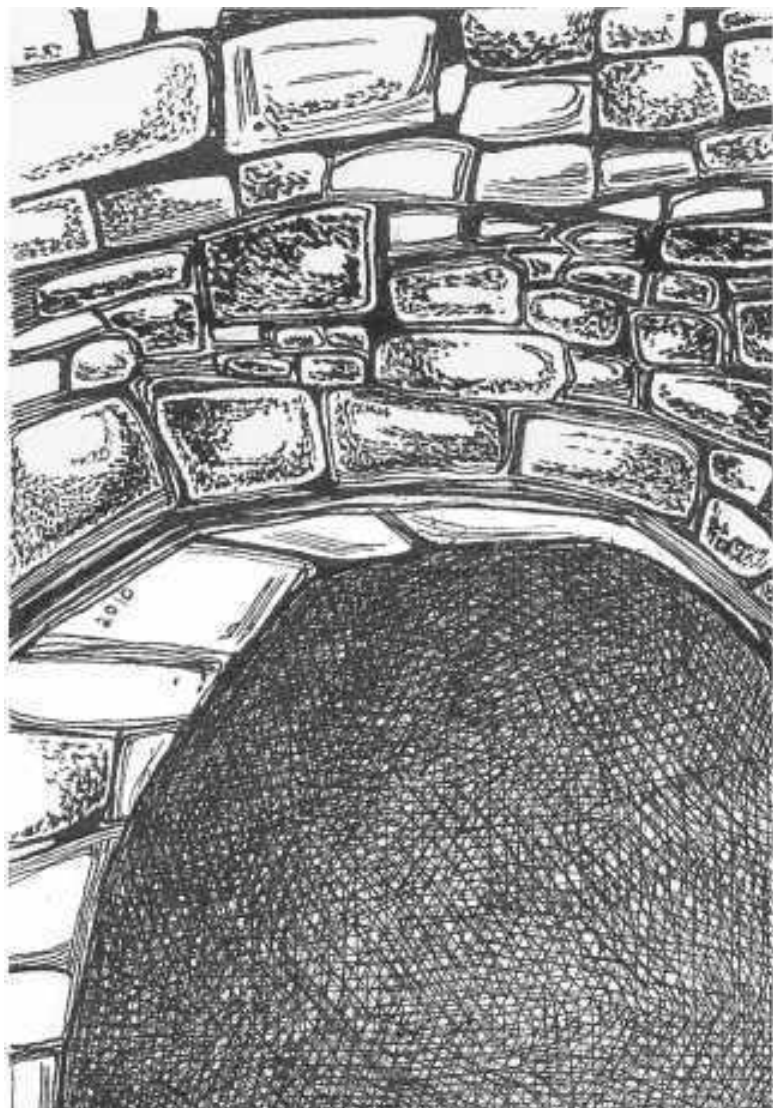
Условия творения и природа демиурга

Первый мотив описывает обстоятельства творения и творца. Чужак может быть обязан происхождением божественному или дьявольскому началу или их совместной деятельности. Повсюду в Европе и за ее пределами известна сказка о создании лишнего народа, не входящего в изначальные планы творца. Бог создал все страны и народы, но св. Петр (или черт в фламандском варианте) умоляет его сотворить еще один. Бог убежден, что это творение будет излишним, но уступает уговорам святого. Он¹ногой поддевает кротовую нору, кучу коровьего или конского навоза или собачьего дерьма, и из нее возникает чумазый персонаж: словак (нем.), француз (флам.), фламандец (валлон.), житель Фриулии (венец.), чех (нем.), Maurreddu, житель Нуксиса, считающийся потомком мавров (сард.), вестфалец (нем.), венгр (венг.), немец или русский (лит.), финн (норв.) [Balzamo, Kaiser 2004, № 27–28; Van den Berg 2000, № 53; Kabakova 2006, № 24; Dahnhardt 1909/2: 186; Balzamo 2011, № 40; Lammel, Nagy 2006: 95; Кербелите 2001; Hodne 1984: 186]. В Дании такая же легенда рассказывается о жителях острова

¹ У бразильцев св. Петр пнул кучу навоза, и из нее вышел испанец, который тут же начал ругаться [Correia 2020, № 19].

Фюн, полуострова Ютланд или о шведах, в последнем случае творцом выступает Моисей [Dahnhardt 1909/2: 184; ЕТКС]. Или же инородец появляется из экскрементов свиньи, которую Бог хотел живой насадить на вертел. Так возник галисиец (порт.) [Correia 2018, № 30]. В других версиях той же сказки Бог втыкает палку в землю, и из дыры вылезает нормандец (пикар.), или приподнимает камень, и оттуда выскакивает русский (укр.) или каталонец (катал.) [Kabakova 1998, № 148; НБ: 68; Amades 1994, № 368].

Бог может сотворить инородца лишь с помощью глагола: так он создает испанца (фр. Страна Басков) [Kabakova 1998, № 147]. Но случается и «самозарождение» инородца. Из капель пролитой крови рождается «кровожадный» хорват (нем.) [Balzamo, Kaiser 2004, № 28]. Независимо от способа изготовления первый представитель вновь созданного народа накидывается на своего создателя, хулит его или пристает к нему, например, требуя предъявить документы. Если в большинстве случаев речь идет о соседях, то бывают исключения, например, когда венгерская сказка рассказывает о появлении «заносчивого» венгра или каталонская – гордого каталонца [Lammel, Nagy 2006: 95; Amades 1994, № 368].

Художник Алена Ожог.
Contes et légendes tziganes.
Paris: Flies France, 2010

«Неудачные» народы появляются и в силу неординарного способа их оживления. Так, Бог, сотворив Адама, вдохнул ему жизнь, прикоснувшись губами ко рту, а когда он создавал цыгана, у него не хватило дыхания и он пукнул, что объясняет неприятный запах цыган (венг.) [Gorog-Karady 1987: 408]. По карпатской легенде, Бог в ответ на жалобы крестьян на жизнь вытесал из поленьев «панов», то есть поляков-помещиков, и вдохнул в них свиную душу [Шопляк-Козак 1988, № 45].

Неудача может быть связана и с личностью творца: св. Петр пытается подражать Богу, но у него получается уродливый галисиец (порт.) [Correia 2018, № 29]. Заведомо негодное создание получается, когда с божьим творением пытается состязаться черт, как в сюжете ATU 773 «Соперничество Бога и дьявола». Часто такое соперничество предполагает дуалистическое сотрудничество. В результате подражания Богу возникают вредные творения вроде болот, волка,

Художник Алена Ожог. Contes et légendes tziganes. Paris: Flies France, 2010 табака и под. А когда черт старается повторить Адама, у него выходит цыган (фин.) или негр², настолько страшный, что Бог при виде его раздражается смехом. Но

² Тот же сюжет записывался и в Бразилии [Correia 2020, № 12].

вместо того, чтобы «улучшить» его и сделать более привлекательным, Бог приплюснул ему нос и раздул губы (катал.) [Aarne 1912: 5; Amades 1994, № 367]. Или же черт вырубает из полена человека, а Бог вдыхает в него жизнь. Результатом их совместного творчества стал русский, первым делом потребовавший с Бога деньги (швед.) [Balzamo 2011, № 40].

Черт может выступать и в качестве единственного творца, причем он создает разные народы. В украинском фольклоре черт ведет себя как ученик чародея: желая сотворить свое подобие, он бросает в деготь разные травы, достает и пробует одного за другим украинца, поляка, немца, татарина и еврея. По логике сказки, черт всех считает недоваренными, но последнее создание должно оказаться ему по вкусу [Беньковский 1890: 325–326]. Когда на месте черта в той же сказке оказывается Бог, каждое новое создание получается более совершенным. Сначала он ставит в печь только что изготовленного человечка и передерживает его: из печи выходит обугленный негр. Следующего он вынимает пораньше, но все равно получается слишком смуглый цыган. С третьей попытки выходит «желтый», и эта «расовая эпопея» завершается появлением безупречного белого человека (венг.) [Lammel, Nagy 2006: 39]³

³ Сюжет известен и в Африке, я слышала его от сказочника из Буркина-Фасо Франсуа Бамба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.